

СИНЕЛЬНИКОВА ЛАРА НИКОЛАЕВНА (ЯЛТА, КРЫМ), доктор филологических наук, профессор Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета в г. Ялте

УДК 821.161.1-1. 09

РЕМИНИСЦЕНЦИИ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ ПУШКИНА КАК ДЛЯЩАЯСЯ МЫСЛЬ

«Всюду Пушкина пламенный зной».

И. Шкляревский

Аннотация

В статье категория памяти конкретизируется описанием реминисцентных связей стихотворений поэтов XX и XXI веков с поэзией Пушкина. Реминисценция определяется как родовое понятие по отношению к таким видам отсылки к другому тексту, как рецепция, интертекстуальность, аллюзия, прецедентность, цитата. Представлены примеры, фиксирующие длящуюся в слове пушкинскую мысль. Материал статьи соответствует принципу метапредметности в такой его характеристике, как обобщённое усвоение знаний литературоведческого, лингвистического и культурологического характера.

Ключевые слова: Пушкин, реминисценция, рецепция, интертекстуальность, аллюзия, прецедентность, метапредметность.

Реминисценция включена в широкий синонимический ряд: *память, воспоминание, воскрешение, отражение, намёк, заимствование, отголосок, отзвук, автореминисценция, флэшбэк*, что свидетельствует о семантической и функциональной полифонии термина, взявшего на себя роль родового понятия. Интегральная сема – *воспоминание (воскрешение)* согласуется с теорией познания как антропологической потребностью. И тогда само знание человека о мире оказывается реминисцентным.

Дефиниция реминисценции соотносит её с преобразованной цитатой, перефразирующей текст-источник, что даёт возможность свободного изменения референции; реминисценция может ассимилироваться с текстом-реципиентом в

разных формах и, следовательно, участвовать в смыслообразовании в соответствии с замыслом цитирующего.

Поэзия – особая форма знания, в котором мысль и чувство в их совместности помогают понять значимые смыслы, развивают индивидуальность и принимают участие в формировании общественного сознания. Культурная память сохраняет энергию духовности, связывает времена и поколения. Память обеспечивает диалог как перекличку (взаимодействие, близкодействие, взаимовлияние) сенсорного, аффективного и когнитивного опыта, который консолидируется в стихотворениях предшественников и сохраняется в творчестве последователей. Мысли самих поэтов о сущности памяти подтверждают её синергетическое свойство: «И памятью насыщен, как земля» (М. Волошин); Память – «верховная владычица культуры» (Вяч. Иванов); «Бездна памяти, беспредельное мироздание, / расходящиеся галактики и туманности, / где все давнее / только четче и первозданнее, / очевиднее и яснее до самой малости» (Ю. Левитанский). «Сознательная и неосознанная перекличка с другим поэтом, цитирование чужого текста – это ли не доказательство нашей погруженности в общую культурно-историческую стихию, вне которой и с жизнью и с творчеством было бы навсегда покончено! [7, с. 274].

Память как атрибут поэтической культуры фиксируется в системе терминов, соотносящихся с реминисценцией: *рецепция, интертекстуальность, интертекст, аллюзия, прецедентность, цитата*. Коротко остановимся на каждом термине, предоставив возможность молодым исследователям самостоятельно поработать над расширением информации, что необходимо для успешной метапредметной деятельности.

Рецепция – заимствование и адаптация, ассимиляция культурных форм, возникших в другой стране или (и) в другую эпоху; влияние одних авторов на творчество других (например, Шекспира на Пастернака, Байрона на Пушкина и Лермонтова, Данте на Мандельштама и т.д.) и на литературный процесс. Рецептивные связи могут быть обнаружены в общности творческой манеры, мотивов, образов и др. [8]. Поэт Юрий Левитанский так описал то, что литературоведы называют рецепцией: «Когда-то, давным-давно, еще в юности меня поразило впервые – в одном из Бетховенских квартетов возникает русская тема... Пушкин пишет стихи на французском, Рильке пытается писать на русском. Эти и множество других подобных примеров – о чем говорят они? Случайность? Причуды гения? Нет – осознанно или неосознанно – всем этим движет жизненно необходимое для всякого подлинного искусства глубинное взаимодействие внешне несхожих культур различных народов и наций. Вот так-то!» («Строки из записной книжки» <https://levitansky.ru/?r=2&m=7&s=95>).

Интертекстуальность – факт (событие) включения одного текста в другой; семантическая смежность двух (или нескольких) текстов как своеобразная метатекстовая метонимия; диалог текстов. **Интертекст** (текст в тексте, текст о тексте) – текст, имеющий разные виды и формы связи с первичным, исходным текстом (текстом-донором). Понятийный аппарат интертекстуальности и мето-

дика интертекстуального анализа обстоятельно представлены во множестве исследований, в том числе в работах В.П. Москвина [10], [11].

Аллюзия – неактуализированная цитата, свернутая пропозиция прецедентного текста; носитель единичной референции; отсылка к какому-либо литературному, историческому, мифологическому событию в виде словесного намека; сигнал подтекста, основывающегося на параллелизме семантического плана. Текстовая аллюзия (англ. Textualallusion) специфическим образом проявляет интертекстуальные связи, поскольку намекает на известное адресату произведение [11], [3].

Прецедентный текст – культурно значимый текст, своеобразная единица осмысления жизненных событий, знак культурной памяти, значимой для личности и ее окружения, включая предшественников и современников [1]. **Цитата** – графически маркированный способ передачи чужого слова, коннотативный заместитель некоторого текста, проявляющий интертекстуальность двух взаимодействующих текстов.

Дальнейшего осмысления, упорядочения и совершенствования требует теория прецедентности / интертекстуальности. «Она давно «переросла» рамки частной лингвистической теории и представляет собой область филологических исследований междискурсного взаимодействия, «размывающего» границы литературоведения и лингвистики» [2, с. 131], и нуждается в разграничении понятий [6].

Мы разделяем мнение исследователей о родовой миссии реминисценции и вполне правомерным полагаем вхождение всех форм интертекстуальных включений в *реминисцентное поле* [4]. Названные выше формы межтекстового взаимодействия являются частью реминисцентного поля, пространство которого, к тому же, может заполняться новыми формами.

Обратимся к пушкинским реминисценциям в творчестве поэтов послепушкинского времени. «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества» (В.Г. Белинский). Прежде всего, это животворное развитие происходит в сознании поэтов. Именно они продлевают пушкинскую мысль, закрепляют в культурном коде пушкинское слово и пушкинский образ.

Включенность Пушкина в русский и мировой литературный процесс через реминисценции, связанные с его творчеством, – необъятная тема. «Мой Пушкин» – культурогема не только русского, а в целом славянского кода с его протянутостью и в мировую поэтическую культуру. Если рассматривать *дарование как поручение* (Баратынский), то можно оценить цитирование из пушкинских произведений как дар гения поэтам других времен и народов.

Память о Пушкине реализуется во всех названных видах реминисцентности, что само по себе уникально: проявляется континуальное мышление (*от лат. continualis – непрерывный, сплошной*). Реминисценции в стихотворениях поэтов двух послепушкинских веков с позиций культуры континуального мышления могут быть охарактеризованы как делящаяся пушкинская мысль. Представим некоторые варианты реминисцентного освоения пушкинского наследия.

Измененная цитата, жанровая и стилистическая вольность её применения

Лист календарный, горсть монет. Сонет – мой быт стал проще, строже. А что на свете счастья нет – Так и покоя с волей тоже. (А. Дидуров)	На свете счастья нет, но есть покой и воля. Давно завидная мечтается мне доля – Давно, усталый раб, замыслил я побег В обитель дальнюю трудов и чистых нег. (А. Пушкин)
Под гитару пеньё, / чудное мгновенье, – / Темных предрассудков / полное забвенье. (Ю. Мориц) Но вспомни чудное мгновенье; Без сомнения – определи. / – Слияешь уверенно. / (Все могут короли!) (Л. Кропивницкий)	Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты, Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты. (А. Пушкин)
Памятник ему нерукотворный / Я воздвиг бы, и дорогой торной / Стала бы народная тропа. (Д. Самойлов)	Я памятник себе воздвиг нерукотворный, К нему не зарастет народная тропа, Вознесся выше он главою непокорной Александрійского столпа. (А. Пушкин)
...духовной жаждою влеком или томим, / и прочее, что ты запомнил сызмала: / придет пророк, и рядом серафим, / загадочен, как схема телевизора. (Ю. Арабов)	Духовной жаждою томим, В пустыне мрачной я влачился, И шестикрылый серафим На перепутье мне явился... (А. Пушкин)

Займствование пушкинского лирического сюжета как импульса для варьирования интертекстуальных связей. Пример – «Посещение» А. Кушнера: «Я тоже посетил / Ту местность, где светил / Мне в молодости луч...». *Тожё* – прямой знак (ввод) диалогичности текстов, и в самом стихотворении многое связано с поэтикой XIX века, со стилем Пушкина: «Элегии чужды / Привычкам нашим...», «Я «Исповедь Руссо / Как раз перечитал», «Как много новых лиц! / Завистников, певиц, / Распутниц, надувал».

С уходом условной поэтики ее формулы (поэтизмы) – перифразы и метафоры определенного типа, инверсии, усеченные прилагательные, безынтервальные вопросительные конструкции, специфические имена собственные стали ассоциироваться скорее всего с именем Пушкина. Нередко в современном стихотворении именно в связи с упоминанием или подразумеванием Пушкина в лирический сюжет включаются поэтизмы: «Ты старше Моцарта. И Пушкина вот-вот / Переживешь. / **Друзья гармонии**, смахнув рукой со лба / Усталость мертвую, принять беспечный вид / С утра стараются...»; «Кто виноват: листва ли, **ветр**? Невы волнение? / Иль тот, укрытый, кто так щедр / На совпадения» (А. Кушнер); «Ты себя не спрашивай – поэт ли? / Не замедлят – возведут в **пииты!** / Все пути – от пули и до петли – / Для тебя с рождения открыты. / И тогда забьется человечье – / Ты поймешь мотив припоминая: / От Елабуги до Черной речки – / Широка страна моя родная» (И. Ратушинская).

Эпиграфы из пушкинских произведений как знак вхождения мыслей поэта в общекультурную память. Представляя собой собственно цитату, конструктивно обособленную от основного текста, эпиграф участвует в текстопрождении, в формировании смысла. И такая связь – всегда событие понимания пушкинской мысли, озаренность цитатой. Так, стихотворение С. Щербакова с эпиграфом «Храни меня, мой талисман...» заканчивается строфой, отмеченной

модальностью этой пушкинской фразы, хотя в ней представлены реалии сегодняшнего дня:

Не хочу ни тряпья, ни плеера,
Не нужны ни питье, ни еда;
Привезите мне счетчик Гейгера,
Чтоб на сына его надеть.

Общность со стихотворением Пушкина можно обнаружить на уровне глубинной эмоции:

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Стихотворение Мих. Синельникова «Воспоминания в Царском селе» имеет эпиграф «Чугун кагульский, ты священ...», через который идет психическая проработка «прозы жизни», но именно пушкинские строчки, исполненные высокого гражданского пафоса, определили высокую тональность строф, завершивших лирический сюжет.

Мне десять лет, я Пушкина читаю,
Запоминаю барельефов ряд,
И Кюхельбекер, Пущин, Чаадаев
На площадь привокзальную глядят.

Пришли потом Распутин и Есенин...
Не знаю ничего... Но в этот миг
Чугун кагульский все еще священен,
Фелицын лебедь мощен и велик.

И пушкинский текст:

Чугун кагульский, ты священ...
Чугун кагульский, ты священ
Для русского, для друга славы –
Ты средь торжественных знамен
Упал горящий и кровавый...

Эпиграфы-цитаты из произведений Пушкина могут быть разными по объему, по степени редукции фразы и т.д., но они всегда имеют резонансные свойства – консолидируют чувства поэтов, кристаллизуют их знания о мире, обогащают восприятие стихотворения. Показательно для понимания степени внедрения мыслей Пушкина в сознание современных поэтов использование в качестве эпиграфа пушкинских фраз без ссылки на автора («Мы ленивы и нелюбопытны» – в стихотворении А. Аронова «Памирское воспоминание», «Лета к суровой прозе клонят...» – в стихотворении Ю. Левитанского «Я полагаю, Пушкин, говоря...»).

Связь с Пушкиным, обеспеченная одним словом. Особый способ присутствия Пушкина в стихотворении – включение в него максимально редуцированной реминисценции. Если мышление «совершается в слове» (Л.С. Выготский), то именно такое «памятное слово» оказывается своеобразным культурно-психологическим генотипом, связывающим мысль поэта и читателя с Пушки-

ным. Минимальная степень предъявления исходного текста требует особой герменевтики. Показательны результаты ассоциативных экспериментов Ю.Н. Караулова: реакция испытуемых на слова-стимулы *метель, дядя, повеса* была однозначно связана с именем Пушкина [5, с. 245]. Перечень слов-символов из пушкинского лексикона может быть продлен:

Пришла ко мне гостья лихая,
Как дождь, зарядивший с утра.

Спросил ее: – Кто ты такая?

Она отвечает: – Хандра.

– Послушай, в тебя я не верю.

– Ты Пушкина плохо читал.

– Ты веком ошиблась и дверью.

Я, видимо, просто устал. (А. Кушнер)

Показательно, что толкование слова хандра в современных словарях иллюстрируется цитатой из произведения Пушкина. К числу слов, представляющих «бессознательно действующую творческую память» (В.М. Жирмунский), относится слово печаль из пушкинской «Элегии». «Печаль моя светла» – энергетически неисчерпаемое открытие Пушкина, вобравшее его представление о тонкой материи одного из главных человеческих чувств – печали. Вот как об этом пишет современная поэтесса О. Седакова: «Печальный», с его звучанием и смысловой жизнью, так связано с именем Пушкина (как некоторые мелодические повороты с именем Шопена или некоторые колористические пристрастия с именем Рембрандта), что, говоря о «творческой печали» или: «печаль моя жирна», поздний поэт бросает на свою строку отсвет пушкинианства... Назвать то, что составляет предмет жесточайшего раскаяния, «печальным» – значит поглядеть на него из «прекрасного далека»² или из «прекрасного приближения», но только не из потребности своего момента» [12, с. 334]. И примеры, это подтверждающие:

К сизым кольцам взоры вскинем!

Мир печалью светлой болен.

Стынет в небе, ярко-синем,

Строй прозрачных колоколен. (В. Ходасевич. Зимой)

Еще печаль легка, легка.

Еще к руке прикосновенье

Случайно празднует рука,

Таясь с перчаткой в отдаленье. (А. Кушнер. Еще печаль легка, легка...)

Пушкинское «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» длится в таких преобразованиях: «Лишь угловатая кривая, / Минутный профиль тех высот, / Где, восходя и ниспадая, / Мой дух страдает и живет» (В. Ходасевич); «Бежать. Кто жил и мыслил. Совесть? / Но сущность твоя – дух, а не мораль» (С. Соловьев); «Февраль – и стало быть, пора / не плакать, а плясать... / Пора ходячим мертвецам / под камнями лежать, / а тем, кто жив, – идти к венцам, / и мыслить и ро-

жать» (И. Кабыш).

Пушкинское «Есть упоение в бою. / И бездны мрачной на краю...» перешло в стихотворение О. Рожанской «Письмо в редакцию «Гражданина» в таком виде: «И вот она – бездна. И вот они – мы на краю. / Я вижу, здесь тесно, и все же я здесь постою».

Слово содвинем (современными словарями квалифицируемое как устаревшее) из пушкинского «Поднимем бокалы, содвинем их разом» теряет налет архаики в условиях новой комбинаторики в стихотворении И. Лиснянской «В наши маятные годы»:

И содвинули мы чаши
Ликованья и вины.

.....

От земли до неба дальше,
Чем от неба до земли,
Это знали мы и раньше,
Но предвидеть не могли,
Что и тверди мы содвинем,
В час содвинув роковой
Наши души в небе синем,
Наши руки под землей.

Пушкинское «Что в мой жестокий век восславил я свободу» реминисцентно ощутимо в стихотворениях А. Кушнера:

Эти вечные счета, расчеты, долги
И подсчеты, подсчеты.
Испещренные цифрами черновики.
Наши гении, мученики, должники.
Рифмы, рядом – расходы.
То ли в карты играл? То ли в долг занимал?
Было пасмурно, осень.
Век железный – зато и презренный металл.
(«Эти вечные счета, расчеты, долги...»)

Слово север и его производные перетягивают соответствующим образом коннотируемые сюжеты биографии Пушкина или его произведений («Но вреден север для меня», «Стремлюсь привычною мечтою / к студенным северным волнам» и др.) в современные стихотворения. При этом в лирическом сюжете всегда есть пресуппозиция в виде перифрастических эвфемизмов (царскосельский поэт) и других «путеводителей» по пушкинским темам:

И когда этот Север вздыхает по птицам небесным,
По лазурным волнам,
Ты похожа на тех, кто живет, притворяясь железным
Или каменным, боль не давая почувствовать нам.
Еще мне мерещатся в холоде снежных объятий
Под бессонной звездой
Царскосельский поэт с гимназической связкой тетрадей

И трилистник его ледяной. (А. Кушнер. Ветвь)

Итак, есть все основания говорить о жизни поэтов в ритме памяти о Пушкине. Через реминисценции творчество Пушкина, сама его личность включаются в национальную и – шире – славянскую поэтическую культуру. Пушкин помогает расширить спектр чувств, открыть в себе то, что было им предвосхищено и даровано потомкам. Ни один поэт не может быть до конца понят без его сопричастности к целостности литературного процесса. Эта целостность в немалой степени создана творчеством Пушкина. Беспредельность реминисцентных связей с Пушкиным – свидетельство постоянного желания приблизиться к его образу мыслей, к его слову. Продленная через реминисценции пушкинская мысль является своеобразной гарантией духовного развития поэзии, так как интертекстуальный диалог – один из важнейших показателей культуры вообще и поэтической культуры в частности. «Весь я не умру» – реминисцентно означенное пророчество Пушкина, его завет. Всё послепушкинское время демонстрирует общее согласие поэтов признать этот завет благом.

Общество утраченного равновесия, потери (трансформации) исторической памяти не перестаёт надеяться на живительную силу облагороженной присутствием Пушкина поэзии:

Мол, нелегко предугадать,
Чем ваше слово отзовется.
Быть может, серою прольётся,
А нет, – так Пушкина читать. (Ю. Арабов)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Артемьева, П.С. Прецедентные феномены как выразительное средство: диалог культур в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук / П.С. Артемьева // Саратовский национальный исследовательский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2016. – 163 с.
2. Высоцкая, И.В. Спорные вопросы теории прецедентности / И.В. Высоцкая // Критика и семиотика. – 2013. – № 1(18). – С. 117–137.
3. Дреева, Д.М., Кастуева, И.К. Аллюзия как средство манифестации интертекстуальных связей в поэтическом дискурсе / Д.М. Дреева, И.К. Кастуева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.; URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19560> (дата обращения: 20.01.2020).
4. Жишкевич, А.И. Типология форм интертекстуальных включений на основе реминисцентного поля / А.И. Жишкевич // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. – 2018. – № 1. – С. 79–83.
5. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М: Наука, 1987. – 261 с.
6. Кудрина, Н.А. Интертекстуальность и прецедентность: к вопросу о разграничении понятий / Н.А. Кудрина // Вестник тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2005. – № 4 (40). – С. 5-11.
7. Кушнер, А. С. Аполлон в снегу. Заметки на полях. – Л.: Сов. писатель, 1991. – 514 с.
8. Левакин, Н.Н. Художественная рецепция как литературоведческое понятие (к вопросу понимания термина) / Н.Н. Левакин // Известия ПГЛУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 308–310.
9. Москвин, В.П. К уточнению понятия «аллюзия» / В.П. Москвин // Русская речь. – 2014. – № 1. – С. 37-43.
10. Москвин, В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили / В.П. Москвин. 3-е изд. – М.: URSS, 2015. – 168 с.
11. Москвин, В.П. Методика интертекстуального анализа / В.П. Москвин // Известия вол-

РАЗДЕЛ IV. ТВОРЧЕСТВО А.С.ПУШКИНА В «МАЛОМ» И «БОЛЬШОМ ВРЕМЕНИ»

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА КРАВЧЕНКОВА (МОСКВА, РОССИЯ),
к. фил н., доцент Государственного Института русского языка
им. А.С. Пушкина

УДК 82.091

КОНЦЕПТ «ПУШКИН» В РУССКОЙ РЭП-ПОЭЗИИ

Аннотация

В статье рассматриваются реализации концепта «Пушкин» в русской рэп-поэзии 2010-х годов. Рэп-исполнители из России, Белоруссии, Эфиопии интерпретируют в треках факты биографии, черты внешности, особенности творчества А.С. Пушкина и таким образом включают классика XIX века в культурный контекст современности.

Ключевые слова: рэп-поэзия, Пушкин, Noize MC, Слава КПСС, Наум Блик

Начиная разговор о современной рэп-поэзии, необходимо обратиться к предыдущей эпохе развития русской песенной лирики, а именно к року конца 1960 – начала 2010-х годов. Попытка определения рок-произведения была сделана в самом начале практики научного осмысления рока, в первом сборнике «Русская рок-поэзия: текст и контекст» (Тверской государственный университет, сборник издается с 1998 года, на сегодняшний день вышло 16 выпусков) в разделе «От редколлегии». Авторы (Ю. Доманский, Т. Ивлева, Е. Козицкая) определяют рок-композицию как синтез трех взаимодействующих начал: музыки, текста и шоу, с доминантой текста, более того, с возможностью рок-текста как факта литературы функционировать, а следовательно, и изучаться, самостоятельно [1, с. 5]. Обратим внимание на слово «самостоятельно» в приведенном определении и перенесем на рэп этот же принцип анализа текстов, т.е. как эстетически и этически законченных стихотворений, которые можно рассматривать отдельно